

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

Читайте остросюжетные романы Надежды и Николая Зориных
в серии «Игры чужого разума»:

Реквием Сальери

Формула влияния

Числовой код бессмертия

Ловушка памяти

Эффект предвидения

Программист жизни

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Эффект
предвидения*

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке
Вячеслава Коробейникова.

Ранее роман издавался под названием
«Вечер в красных тонах»

Зорина, Надежда.

3-86 Эффект предвидения / Надежда и Николай Зорины. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Игры чужого разума. Остросюжетные романы Н. и Н. Зориных).

ISBN 978-5-699-95793-4

Аня Соболева тихо сходила с ума. Виной тому была встреча на лестнице со странной черной старухой из квартиры этажом ниже. Та утверждала, что Аню скоро постигнет судьба девушки, которая в начале прошлого века жила в этом доме и погибла. «Убийца придет со дня на день, — вещала сумасшедшая, — придет, и все станет красным...» Когда Аня решила снова спуститься по лестнице, рабочие, делавшие ремонт в квартире, из которой выходила старуха, сказали, что здесь никто не живет. Но пророчество сбылось... Правда, погибла не Аня, а сама провидица, являвшаяся девушке не то во сне, не то наяву. Но преступник-то был реальным! Или все-таки нет?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зорина Н., Зорин Н., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95793-4

Вот стрелка дойдет — и пора. Все готово, можно отправляться. В сущности, совершенно неважно, дойдет она или нет. Эти оставшиеся от часа минуты ничего не решают. Но пусть уж лучшие дойдет.

Часы стучат, как кровь в висках, — гонят время по венам времени. Стрелка ползет, приближая «пора». А ты и не знаешь. Не ждешь. Не боишься. Думаешь, что и сегодняшний вечер закончится ночью. Как всегда, как обычно. Нет, дорогая, сегодняшний вечер закончится смертью.

Во всем виноват пистолет. Летний день поздней весны виноват, не по сезону жара виновата. И ты виновата, потому что знаешь, кто виноват.

Сегодняшний вечер закончится смертью — стрелка дошла. Черный костюм, черные туфли — все предусмотрено. Только не предусмотрен дождь. А плащ темно-серый — цветовая дисгармония.

Что же делать? Пойти без плаща? Или отложить все на завтра?

Да просто взять зонтик.

Как же нехстати дождь!

...Мокрая улица. Дождь барабанит по зонтику. Мокрый трамвай — чужой. Подошвы намокли, скользят по асфальту. А тогда жара стояла страшная, хоть тоже был май. Все не так, все не так! И нет пистолета. Снова

трамвай подошел — снова чужой. Да здесь и всего-то три остановки, можно дойти пешком. Нет смысла ждать следующего, уже слишком поздно: стрелка давно убежала вперед — трамваев, наверное, больше не будет.

Ветер рвет зонтик из рук. Какая обременительная вещь этот зонтик! Мучительно пахнет тополь. Пахнет и каплет дождем.

Я не хочу убивать. Я не убийца! Они обманули.

Но стрелка дошла, и все подготовлено.

Да в том-то и дело, что ничего не подготовлено. Даже нет пистолета, который во всем виноват. Глупая, жалкая замена в кармане пиджака совсем ненадежна.

Я не хочу убивать. Так. Убивать. Тебя.

Две остановки трамвая осталось тебе жить. Две остановки пешком. И еще двор и несколько десятков ступенек неспешного подъема до пятого этажа. Я позвоню, ты откроешь — и выпадет красное. Этот вечер окрасится красным, а ты об этом и не догадываешься. Ходишь по своей огромной квартире и думаешь, что вот уже вечер превращается в ночь, и ни о чем не догадываешься.

Я иду к тебе — ночь не наступит. Лезвие глупой замены порезало пальцы, и теперь карман пиджака стал мокрым. Как это неприятно и как раздражает. Скорей бы все кончилось.

Ну вот и двор. Мокрый, мокрый. Дом, в котором не наступит твоя ночь. До чего ж нестерпимо пахнет тополь. Просто какая-то истерика запаха. Приглушенный свет твоего окна не ожидает подвоха в сегодняшнем вечере. Ты, вероятно, уже ложишься и думаешь, что ночь...

Ночь не наступит — я иду. Ночь не наступит.

Часть 1

Глава 1

Еще предстоял прощальный ужин, так неудачно совпавший с новосельем. Еще предстояла ночь, которая все равно уже ничего изменить не могла. Еще предстояло прощание в аэропорту — окончательный конец конца. А потом...

А потом предстояло три недели прожить без него. Ужас, ужас, кошмар. Как прожить без него эти три бесконечные недели?

Но еще предстоял сегодняшний день. И ужин. И ночь. И утро прощания. И еще полчаса до того, как прозвонит будильник и все это предстоящее начнется.

Аня уткнулась в теплое, спящее плечо Кирилла. Он что-то забормотал со сна, заворочался.

Ну вот, разбудила, украла у себя полчаса — сейчас он встанет, и отсчет времени пойдет уже другой — потекут последние часы.

Нет, не проснулся. Но все равно, все равно конец так близко, что вот почти и наступил. Эти полчаса не в счет, агония конца уже началась. И ничего не исправишь.

Ну не проживет она без него эти три ужасные недели, ни за что не проживет. Неужели он не понимает?

Не понимает. Понимать ему некогда — он улетает в Америку. Да ему вообще всегда некогда.

Организатор, владелец, редактор газеты «Криминальный город», за четыре года существования ставшей самой крутой, самой читаемой, самой популярной в области, солидный, занятой, очень взрослый человек, разве может он отвлекаться на всякие глупости, на детские ее глупости и капризы? Некогда ему понимать. Ему нужно лететь в Америку, как самому-самому.

А она не выживет.

Но ведь когда-то, совсем недавно, если разобраться, всего какой-нибудь год назад, жила же без него. Ходила в свой художественный лицей, рисовала акварельки, играла на скрипке, гуляла с собакой, слушалась маму с папой и знать не знала никакого Кирилла. Маленькая девочка Анечка Гартнер, почти ангелочек. Их семья собиралась уехать в Германию, уже и документы были готовы, ждали *только*, когда она окончит лицей. Оставался месяц. Но когда этот месяц прошел, стало ясно, что ни в какую Германию она не поедет, потому что...

Это был первый взрослый поступок в ее жизни. Ей никогда не давали денег на карманные расходы, считали маленькой и совершенно неприспособленной к практической жизни, лелеяли эту ее детскость и неприспособленность, всячески сопротивлялись взрослению. «Анечка у нас художница, — представляли ее родители новым своим знакомым. — Вот ее последняя работа. Очень талантливый ребенок, не правда ли? И как тонко подмечены детали. Она очень чуткая девочка, понимаете? Сыграй, Анютка, соль-минорный концерт Вивальди». И приходилось играть — нельзя

было развеять образ чуткого, послушного, талантливо-го ребенка. Родители бы этого ей никогда не простили.

Хорошо еще хоть на стул не ставили посреди комнаты и стихи читать не заставляли. И бант на голову не повязывали. Все-таки и они могли понять, что семнадцатилетняя дылда с бантом на голове будет смотреться нелепо.

Но денег на карманные расходы все равно не давали. И не давали шагу ступить без спросу. И взрослых поступков совершать не давали. А она однажды взяла и совершила: собрала свои талантливые акварельки с тонко подмеченными деталями и отправилась на пяточок возле университета продавать.

Никакой это был и не взрослый поступок, а самый обыкновенный детский бунт. Позже Аня и сама расценивала его именно так. Но то, что за ним последовало, как раз и положило начало ее настоящей взрослой жизни.

Кирилл. Ее Кирилл.

Он и последовал, он и положил. Скупив на корню все ее акварельки. Скупив на корню все ее художественные амбиции. Купив с потрохами всю ее, маленькую, неожиданно взбунтовавшуюся против родительской опеки девочку, Анечку Гартнер.

В Германию родители уехали без нее. Анечка Гартнер через полгода, когда наконец ей исполнилось семнадцать, преобразовалась в Анну Соболеву, жену самого лучшего журналиста и человека города. Который теперь улетает в Америку в качестве самого лучшего.

Будильник вот-вот зазвенит, осталось совсем ничего, меньше пяти минут. День пройдет в навязанных нехстати хлопотах по приготовлению к новоселью —

прощальному ужину. А завтра Кирилл улетит. Как лучший, как победитель какого-то дурацкого конкурса журналистских проектов, как предатель, как равнодушный человек, которому дела нет до того, что она...

Нет, неправда. Ему есть дело. Он и сам был расстроен, что оставляет ее одну. И даже заговаривать стал, чтоб не лететь. Вернее, спрашивать: может, мне не лететь? Как ты тут без меня? И тогда пришлось настоять, чтоб летел. Потому что... ну в самом деле, нельзя же задерживать человека, которому вдруг представилась возможность побывать в Америке. И к тому же он ведь и сам был ужасно рад, хоть и расстроен... Разумеется, он хотел в Америку. Да и кто бы на его месте не хотел? Пришлось сделать вид, что отъезд его она переживет. Ничего, как-нибудь перетерпит. Да и вообще все у нас будет прекрасно. Что такое три недели? Разве это срок? И пришлось радоваться вместе с ним победе в каком-то там конкурсе (она толком и не поняла, что за конкурс) и даже заказать ему какую-то немислимую фантастическую шляпу, когда он пристал, что привезти в подарок. Она сама ее выдумала, по ходу симпровизировала, таких и шляп-то, наверное, не бывает. Только для того, чтобы Кирилл успокоился и думал: три недели Америки — ерунда и вовсе не страшно.

А это страшно, очень страшно. Но пусть Кирилл об этом не знает.

Будильник. Все. Пошел последний день. Надо же было случиться, чтоб и новоселье сегодня, хоть бы вечер провели вдвоем, последний их вечер. Придет толпа посторонних людей, чужих и ненужных. Будут вести умные, взрослые разговоры об умных и взрослых журналистских вещах. И еще придет мама Кирилла, Раиса

Михайловна, — ужас и кошмар. Когда она появляется, даже с Кириллом становится страшно, ведь даже Кирилл, сильный, большой Кирилл Сергеевич, ее муж и редактор, не в состоянии защитить ее от этого чудовища. С самого начала отношения у них не сложились и, конечно, никогда уже не сложатся, и надеяться нечего. Нет, Раиса Михайловна не делала ничего плохого, но... Да она ее просто ненавидела, возненавидела с первого взгляда, а потом эта ненависть все росла и росла, потому что надежда на то, что у сына ее, Кирилла, блажь пройдет, он наиграется маленькой дурочкой Аней, фарфоровой куклой, забросит на заднюю пыльную полку и женится наконец на взрослой, достойной его во всех отношениях женщине, все уменьшалась и уменьшалась. А полгода назад иссякла совсем — Анна Гартнер стала законной Анной Соболевой, мосты сожжены, сын окончательно пропал.

Кирилл сел на постели. Потянулся, зевнул. День пройдет незаметно, бездарно. А потом сразу утро завтрашнее наступит. И день — но уже без Кирилла.

Притвориться, что спит? И украсть у этого утра еще пять минут? Притвориться, что заболела, тяжело заболела, и украсть у Кирилла поездку? Умереть, умереть и украсть у него целую жизнь?

— Соня-засоня, просыпайся. — Кирилл поцеловал ее во влажный висок и легонько потрепал за плечо. — Дел у нас сегодня невпроворот, а мне еще на работу заскочить надо.

Аня открыла глаза, сделав вид, что только проснулась.

— На работу? Ты на работу поедешь? Зачем? Я думала...

— Ну, зачем? Я так и собирался. Все-таки на три недели свою богадельню оставляю без присмотра. Последние указания дать, то да се. Но я ненадолго. Часика на два.

— А-а. Да, конечно.

Значит, минус два часа. От последнего дня, и так усеченного новосельем, отсекаются еще два часа. Целых два часа без него. Почему же он не предупредил вчера, что едет на работу? Потому что ему все равно, не он остается на три недели один.

Аня встала и, не глядя на мужа, принялась заправлять постель. Слезы закапали на пододеяльник, оставляя круглые темные следы.

Рано, рано, не сейчас. Нельзя при нем плакать, а то он тоже расстроится. Все равно изменить ничего нельзя, нельзя отменить Америку. Сдержаться, сдержаться... Ну что он встал и смотрит? Невозможно сдержаться.

— Иди в ванную первый. — Голос дрожит, предательски дрожит. Сейчас Кирилл заметит. Нельзя, нельзя, чтобы он заметил.

— Хорошо... Подожди, ты что, плачешь?

— Нет, нет. Ты иди. Нос потек. Аллергия, наверное, на книжную пыль. Ты же знаешь, у меня всегда... Надо было первым делом разобрать книги, а то стоят стопками по всей квартире, пыль... Ты уйдешь, я займусь.

— Да постой. — Кирилл обнял Аню за плечи, усадил на кровать. — Я же вижу, что плачешь. Анечка, маленькая моя, ну что ты расстраиваешься? Я совсем ненадолго уйду. Два часа — и я дома. Помогу тебе с приготовлениями.

— Да, конечно. — Слезы совсем прорвались, теперь ни за что не остановиться.

— Ну повернись ко мне, так разговаривать трудно. — Кирилл развернул ее к себе. — Точно, плачет! Я так и думал. Анечка, что ты? — Он провел ладонью по ее лицу. Стирая слезы, прижал к себе, укачивая, как ребенка.

Гладит, качает, сам чуть не плачет, а ведь он рад, ужасно рад, что она так из-за его отъезда переживает.

— Все, успокоилась?

— Да, конечно.

Ничего не успокоилась и, значит — радость, радость! — любит его, все так же любит Анечка-детка своего взрослого папу-мужа.

— Вот и умница, успокоилась. Не плачь больше, хорошо?

— Да, конечно.

— Я пойду?

— Да, конечно, иди. Я сейчас завтрак...

— Я сам могу сварить себе кофе.

Повернулся и пошел из спальни. Но как же он рад, хоть и изо всех сил притворяется, что расстроен: плечи сникли, голова опущена. Зачем же маскировать радость под виноватую грусть? Радует, ну и радовался бы откровенно.

Ну за чем, за чем она про него так плохо думает? Во-все он и не рад, просто... Просто так расстраиваться по поводу предстоящей разлуки Кирилл не может, как она, потому что у него есть другие заботы, взрослые заботы, настоящие, взрослые дела, а у нее нет никаких таких забот и дел, только Кирилл, ее Кирочка, потому что она маленькая бездельница и иждивенка (так сказала Раиса Михайловна однажды Кириллу вполголоса, в другой комнате, так, чтобы услышал только он, но и

она услышала и... Да ведь это действительно так. Кто же она еще, как не бездельница и иждивенка?)

Аня поднялась с недозаправленной кровати, накинула халат, вытерла слезы и пошла на кухню готовить завтрак. Впрочем, готовить завтрак — слишком громко сказано, по утрам Кирилл пил только кофе, иногда съедал бутерброд, да и то лишь чтобы ее не обидеть, ведь она вставала утром вместе с ним и готовила — нарезала не очень ровными ломтями колбасу и сыр — специально для него.

Кухня в их новой квартире была огромной, да и вся квартира была огромной и просто сказочно великолепной: три большие комнаты, все отдельно, высокие, почти пятиметровые потолки, толстые, звуконепроницаемые стены. Дом, в котором располагалась квартира, был построен в девятнадцатом веке, недавно его реставрировали и продали какой-то крутой фирме по недвижимости. Раньше здесь находились какие-то конторы. Больше всего Кирилла прельстила табличка на фасаде: «Памятник архитектуры... Охраняется государством». Так прельстила, что даже цена не смутила, судя по всему, совершенно сумасшедшая цена. И центр города прельстил, и огромные комнаты прельстили, и тихий, укромный дворик прельстил, но главное — табличка. Раньше они жили в блочной шестнадцатизэтажке, населенной преимущественно спившимися бывшими передовиками производства, их детьми и внуками. За картонной стеной их спальни располагался наркопритон: несовершенная звукоизоляция давала возможность быть незримыми свидетелями всех стадий нарконаслаждений ежедневных клиентов соседки и наркоторговки бабы Любы. Примерно два раза в ме-

сяц необлаженные наркоманы вышибали дверь Любиной квартиры, и тогда с самого утра она приходила к Кириллу со слезными просьбами посидеть у нее, пока она сбегает в хозтовары за новым замком и в жэк за слесарем. Кирилл всегда отказывал, Люба обижалась, но проходило две недели, и все повторялось.

Аня сварила кофе, сделала бутерброды. Кирилл, вымытый, выбритый, одетый в костюм и при галстуке, появился на пороге кухни.

— Готов к труду и обороне, а также к приему пищи! — Он шутливо отдал ей честь.

— Садись, раз готов. — Аня улыбнулась — хотела непринужденно и весело, вышло грустно, и в глазах опять затуманилось. Она откашлялась, чтобы голос не дрожал, и заговорила нарочито озабоченно: — Не представляю, как успеть все до вечера. Наверное, надо было новоселье отложить до твоего возвращения. Одних книг сколько — пяти часов не хватит разобрать. И посуда почти вся в коробках, только чашки да ложки достали.

— Книги сегодня совсем необязательно разбирать. Снеси так, как есть, стопками в библиотеку. Ту, дальнюю, третью комнату мы ведь под библиотеку думали?

— Да, я помню.

— Ну вот. И потом, я ненадолго, приду часа через два, максимум через три, и тебе помогу.

— Да ладно, дело не в том. — Аня вытащила из кармана скомканный, мокрый платок, вытерла покрасневший, расхлюпавшийся не ко времени нос. — Аллергия, все эта пыль...

— Ну не расстраивайся ты так, Анечка... Ну маленький мой, ну что ты?